

Jack
LONDON
1876-1916

Джек
ЛОНДОН

Лунная долина

Роман

Санкт-Петербург

Вперед, коняги!
Прямой дорогой!
Пусть лягут борозды рядами,
Усилия не пропадут.
Вознаградится честный труд,
И солнце заблестит над вами.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Слушай, Саксон, пойдём со мной. А если бы и в «Клуб каменщиков»? Чем плохо? У меня там найдутся знакомые кавалеры, у тебя тоже. И потом оркестр Ола Виста... Ты же знаешь, он чудно играет. А ты любишь потанцевать...

Девушку прервала грузная пожилая женщина, работавшая поодаль. Она стояла спиной к подругам, и эта спина, рыхлая, сутулая и неуклюжая, начала вдруг судорожно вздрагивать.

— Господи! — простонала женщина. — О го-осподи!

Как затравленный зверь, бросала она вокруг себя яростные взгляды.

В большой комнате, где было жарко, как в пекле, работало несколько десятков гладильщиц, и пар от шипевшего под их утюгами влажного белья густым слоем сырости оседал на выбеленных стенах. Девушки и женщины, работавшие с нею рядом, безостановочно и быстро водили утюгами; услышав крик, они стали озираться, невольно нарушая равномерный ритм своих ловких и быстрых движений, а это не могло не отразиться на их работе, так как гладильщицы тонкого крахмального белья были на сдельщине.

Женщина, наконец овладев собой, схватила утюг и стала машинально водить им по воздушной блузке с рюшами, лежащей на доске.

— Я уж думала, с ней опять начинается... — сказала девушка.

— Слыханное ли дело! Женщина в ее возрасте, с такой семьей... — отозвалась Саксон, разглаживая горячим утюгом для плойки кружевную оборку. Трудно было не залюбоваться ее бережными, уверенными и быстрыми движениями. Хотя ее лицо побледнело от усталости и невыносимой жары, движения оставались точными и быстрыми.

— У бедняжки семеро детей, двое из них в исправительной школе, — сочувственно заметила ее подруга. — Но только ты, Саксон, непременно приходи завтра в Визел-парк, — вернулась она к прежнему разговору. — У «Каменщиков» всегда бывает весело: перетягивание каната, бег толстяков, настоящая ирландская джигга и... многое другое. И танцевальный зал там отличный.

Однако пожилая женщина снова ее прервала: утюг выскользнул у нее из рук прямо на блузку, женщина попробовала было ухватиться за доску, но колени ее ослабели, и она, как мешок, упала на пол. Протяжный крик раздался в душевной комнате, и тут же едко запахло спаленной тканью. Соседки бросились прежде всего к горячему утюгу, чтобы спасти блузку, а затем уже к упавшей. В проходе показалась старшая мастерица, она с грозным видом спешила к месту происшествия. Женщины, стоявшие подальше, продолжали работать, но в их движениях чувствовалась неуверенность. В общей сложности они, должно быть, потеряли не меньше минуты.

— От такой жизни собака околеет, — пробормотала первая гладильщица, решительно ставя свой утюг на подставку. — А девушке — впору удавиться. Брошу я это, вот и все.

— Мери! — Саксон произнесла имя приятельницы с такой глубокой укоризной, что и ей самой пришлось поставить утюг и потерять еще с десятков движений.

Мери испуганно покосилась на нее.

— Я не то хотела сказать, Саксон, — прошептала она. — Даю честное слово, я бы никогда не пошла по дурной дорожке. Но сама посуди, разве человеческие нервы могут выдержать хотя бы такой день, как сегодня! Нет, ты послушай!

Упавшая женщина, лежа на спине, колотила ногами по полу и выла однообразно и непрерывно, точно заводская сирена. Две работницы, подхватив товарку под руки, поволокли ее вдоль прохода, но она не переставала колотить ногами и кричать. Дверь открылась, ворвавшийся рев и грохот машин заглушили шум и крики еще до того, как она захлопнулась. В комнате от всего этого происшествия остался только едкий запах сожженной ткани.

— Дышать нечем, — сказала Мери.

Потом утюги снова заходили вперед-назад, гладильщицы уже не замедляли темпа, а старшая мастерица прогуливалась между досками и грозно следила, не рухнет ли опять кто-нибудь на пол, не сделается ли еще с кем-нибудь истерика. Иногда то одна, то другая гладильщица останавливалась, чтобы утереть пот и перевести дыхание, затем снова с отчаянной решимостью бралась за утюг, стараясь наверстать потерянное время.

Длинный летний день кончался, но жара не спадала, и работа продолжалась при ослепительном электрическом свете.

Только около девяти часов работницы начали расходиться по домам. Гора крахмального кружевного белья почти исчезла, осталось всего несколько штук на досках, у которых гладильщицы еще заканчивали работу.

Саксон освободилась раньше Мери и перед уходом задержалась у ее доски.

— Вот и суббота, еще одна неделя прошла, — сказала печально Мери; ее бледные щеки впали, усталые

черные глаза были обведены синими кругами. — Сколько ты, Саксон, по-твоему, заработала?

— Двенадцать с четвертью, — ответила Саксон без гордости. — И я бы заработала еще больше, если бы не эти чертовки-крахмальщицы.

— Молодчина! Поздравляю, — отозвалась Мери. — За тобой не угонишься, у тебя работа прямо кипит в руках. Я заработала всего десять с половиной, а ведь неделя была очень тяжелая... Ну, приходи к поезду в девять сорок. Да не опоздай. Мы еще успеем погулять до танцев. К вечеру там соберется пропасть знакомой молодежи.

Пройдя два квартала, Саксон увидела на углу под электрическим фонарем группу хулиганов и ускорила шаг. Когда она проходила мимо них, ее лицо невольно приняло суровое выражение. Она не разобрала слов, сказанных ей вслед, но догадалась о их смысле по наглomu смеху, которым они сопровождались; кровь хлынула ей в лицо, и щеки разгорелись от гнева. Миновав еще три квартала, она свернула сначала налево, потом направо. Ночь становилась холоднее. По обе стороны улицы тянулись дома, где жили рабочие, — ветхие деревянные хибарки с облупившейся штукатуркой. Дома эти отличались своим убожеством и относительной дешевизной квартир.

Было очень темно, Саксон сразу нашла знакомые покосившиеся ворота, и их укоризненный скрип, как обычно, приветствовал ее. Она прошла по узкой дорожке к заднему крыльцу, машинально перешагнула через недостающую ступеньку и вошла в кухню, где слабо мерцал одинокий газовый рожок. Саксон насколько возможно прибавила света. Комнатка была маленькая, но в ней царил порядок, ибо для беспорядка здесь стояло слишком мало предметов. Штукатурка позеленела от частых стирок и вся потрескалась — результат сильного

землетрясения, случившегося прошлой весной. Пол был неровный, с широкими трещинами, перед печкой он прогорел, и на этом месте был прибит расплющенный пятигаллонный бидон из-под керосина, сложенный вдвое. Ушат, грязное полотенце на ролике, несколько стульев, деревянный стол — вот и вся обстановка.

Отрывок яблока хрустнул у нее под ногой, когда она поставила стул к столу. На протертой клеенке ждал ужин. Саксон попробовала холодную фасоль с застывшим салом, но отодвинула ее и намазала маслом ломтик хлеба.

Шаткий пол затрясся от тяжелых медленных шагов, и из внутренней двери вошла в кухню Сара, женщина средних лет, растрепанная, с отвисшей грудью и сердитым лицом, которое постоянные заботы избороздили морщинами.

— А, это ты... — пробурчала она вместо приветия. — Ужин остыл, ничего не поделаешь. Ну и денек! Я чуть не умерла от жары. К тому же Гарри ужасно порезал себе губу. Доктор наложил ему четыре шва.

Сара подошла ближе и грузно навалилась на стол.

— Почему это ты не ешь фасоль? — вызывающе спросила она.

— Ничего, просто... — Саксон смолкла, удерживая подступившие рыдания, — просто есть не хочется. Весь день стояла такая жара; в прачечной положительно дышать было нечем.

Саксон храбро отхлебнула холодного чаю, успевшего уже прокиснуть, и, чувствуя на себе взгляд невестки, сделала отчаянное усилие и выпила всю чашку. Она вытерла рот носовым платком, затем поднялась.

— Я, кажется, лягу спать.

— Удивляюсь, как это ты не пошла на танцы, — язвительно заметила Сара. — Странно, ты каждый день приходишь домой полумертвая от усталости — и все-таки готова танцевать все ночи напролет.

Саксон хотела было ответить, но передумала и крепко сжала губы; затем не удержалась и вдруг выпалила:

— Ты, видно, никогда молодой не была!

Не дожидаясь ответа, она пошла в свою спальню, смежную с кухней. Это была тесная комнатенка — пять метров в длину и три в ширину; землетрясение и здесь оставило следы на штукатурке. Вся обстановка состояла из дешевой сосновой кровати, стула и старого-престарого комода. Этот комод Саксон помнила с раннего детства, с ним были связаны самые далекие воспоминания. Он еще путешествовал в повозке по прериям вместе с ее родными. Комод был из цельного красного дерева, один его угол треснул, когда повозка опрокинулась в Рок-Кэньон; отверстие от пули в верхнем ящике осталось после стычки с индейцами возле Литтл-Мэдоу. Обо всех этих приключениях ей рассказывала мать; она рассказала ей также, что этот комод был вывезен их предками из Англии очень давно — еще до того, как родился Джордж Вашингтон.

Над комодом висело небольшое зеркальце. За его раму были засунуты фотографии молодых людей и девушек, группы, снятые на пикниках; молодые люди, залихватски сдвинув шляпы на затылок, обнимали своих дам. Рядом висел иллюстрированный календарь и множество цветных реклам и картинок, вырезанных из журналов. На большей части картинок были изображены лошади. Целая коллекция густо исписанных каркулями бальных карточек висела на газовом рожке.

Саксон начала было снимать шляпу, но вдруг опустилась на кровать. Она тихонько заплакала, стараясь, чтобы ее всхлипываний не было слышно. Однако дощатая дверь вдруг бесшумно распахнулась, и девушку испугал голос невестки:

— Ну, чего еще? Если тебе не нравится фасоль...

— Нет, нет, — заверила ее Саксон. — Я очень устала, вот и все; и ноги у меня болят. Я не голодна, Сара, я ужасно устала.

— Пришлось бы тебе возиться с хозяйством, — резко ответила Сара, — да печь, да варить, да стирать — словом, делать все, что я делаю, ты бы знала, что такое усталость. А то живешь как барыня. Но, подожди, — Сара злорадно засмеялась, — тебе тоже заморочат голову, как и всем девушкам, ты выйдешь замуж, и пойдут у тебя ребята, ребята, ребята, и уже не будет ни танцев, ни шелковых чулок, ни трех пар туфель зараз. Теперь какие у тебя заботы? Только и думаешь о своей драгоценной особе да о молодых лодырях, которые плят на тебя глаза и напевают тебе про твои чудесные глазки. Но погоди! В один прекрасный день свяжешься с кем-нибудь из них, и он тебя для разнообразия так разукрасит синяками, что мое почтение!

— Зачем ты это говоришь, Сара, — упрекнула ее Саксон. — Мой брат никогда тебя пальцем не тронул. Ты отлично знаешь!

— Еще бы! Где уж ему! Но во всяком случае, он лучше тех лодырей, с которыми ты шляешься, хоть и не может купить жене три пары башмаков сразу; да, лучше твоих хулиганов, — порядочной женщине на них плевать жалко. Не понимаю, как ты до сих пор не попала с ними в беду. Может, молодое поколение умнее нас в этих делах, не знаю. Знаю только, что если у молодой девицы три пары башмаков — значит она ни о чем не думает, кроме своего удовольствия, и допляшется до беды, уж поверь мне. Когда я была девушкой, мы не позволяли себе этого. Мать шкуру бы с меня спустила, кабы я вела себя так, как ты! И она была права. А теперь все идет шиворот-навыворот. Взять хотя бы твоего брата: бегаёт по митингам социалистов, горячится, болтает там всякий вздор, платит взносы в этот их забастовочный фонд и вырывает у своих детей изо рта последний кусок хлеба, вместо того чтобы поладить с хозяином. Да на эти взносы я могла бы себе купить семнадцать пар башмаков! Но только я не такая дура,

чтобы форсить. И, помяни мое слово, добром это не кончится. А что тогда будет с нами? Что я буду делать, если у меня пять ртов и некому их кормить?

Она замолчала, чтобы перевести дыхание, но все в ней кипело, и она готова была разразиться новой тирадой.

— Сара, прошу тебя, закрой дверь, — попросила Саксон.

Дверь с шумом захлопнулась, и Саксон, перед тем как снова расплакаться, услышала, что Сара гремит чем-то на кухне и сама с собой разговаривает вслух.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обе девушки купили себе билеты у входа в Визел-парк, и каждая, выкладывая свои полдоллара, ясно представляла себе, сколько штук крахмального белья надо выгладить, чтобы добыть эту сумму.

Было еще рано, но каменщики, нагруженные объемистыми корзинами с завтраком и неся детей на руках, уже гуляли по парку, — всё дюжие молодцы, сытые, с хорошим заработком. Подле них семенили дедушки и бабушки, поменьше ростом и потоньше; несмотря на приличную американскую одежду, было видно, что высохли они не от старости, но от недоедания в молодые годы, от ранних трудов и лишений: большинство из них родилось еще в Ирландии. И сейчас их лица сияли удовольствием и гордостью, когда они ковыляли вслед за своим потомством, выросшим на более сытных хлебах и питавшимся несравненно лучше.

Мери и Саксон чувствовали себя чужими среди этих людей, не знали их, не были ни с кем знакомы. Девушкам было все равно, кто празднует — ирландцы, немцы или словаки, кто устраивает это гулянье — каменщики, конюхи или кузнецы. Подруги принадлежали к тем любительницам потанцевать, благодаря ко-

торым на всяких празднествах сборы с входных билетов повышаются на несколько процентов.

Девушки побродили между палатками, где продавцы жарили кукурузные зерна и земляные орехи, затем наведались в павильон для танцев. Саксон, как будто прижимаясь к воображаемому кавалеру, сделала несколько плавных туров вальса. Мери захлопала в ладоши.

— Здорово! — воскликнула она. — Ты чудо как хороша! А чулки твои прямо прелесть!

Саксон поблагодарила ее улыбкой, выставила ногу, обутую в бархатную туфлю на высоком французском каблуке, и слегка приподняла узкую черную юбку, открывая красивую лодыжку и изящную линию икр; ее белая нога просвечивала сквозь самый тонкий и прозрачный черный шелковый чулок, какой можно купить по пятьдесят центов пара. В очертаниях ее стройной, хоть и невысокой фигуры была женственная мягкость. На белой блузке красовалось плиссированное жабо из дешевых кружев, приколотое огромной брошкой из поддельного коралла. Поверх блузки была надета ловко сидящая жакетка с короткими рукавами. Перчатки из поддельной замши доходили до локтя. Зато волосы у нее не были завиты щипцами, а вились от природы, и несколько непокорных локонов выбивались из-под задорной черной бархатной шляпки, низко надвинутой на лоб.

Черные глаза Мери заблестели от восхищения; подбежав к подруге, она схватила ее в объятия, стиснула что есть силы и поцеловала, а потом тут же отпустила, краснея за свой порыв.

— Мне ты очень нравишься! — воскликнула она, как бы оправдываясь. — Будь я мужчиной, я не могла бы от тебя оторваться. Я бы съела тебя, честное слово!

Подруги вышли из павильона и стали гулять по солнечным дорожкам, взявшись за руки и весело раскачивая их, наслаждаясь отдыхом после целой недели

изнурительного труда. Они постояли около «медвежьей ямы» и, перегнувшись через барьер, с содроганием смотрели на ее огромного одинокого обитателя, а оттуда прошли к клетке с обезьянами и хохотали там добрых десять минут. Обойдя весь парк, они поглядели сверху на беговую дорожку у подножия естественного амфитеатра, где после полудня должны были начаться игры; потом пошли бродить по рощам, по бесчисленным тропинкам, неожиданно приводившим в укромные тенистые уголки с зелеными столами и скамейками, многие из которых уже были заняты гуляющими и их семьями. В конце концов они выбрали заросший деревьями склон, разложили газету и сели на коротко подстриженную траву, уже порыжевшую под лучами калифорнийского солнца. Им хотелось лениво понежиться после недели напряженной работы и сберечь силы для предстоящих танцев.

— Берт Уонхоп наверняка будет, — болтала Мери. — И он сказал, что непременно приведет Билла Робертса — «Большого Билла», как его зовут товарищи. Это огромный взрослый мальчуган, но с фанаберией. Он боксер, и все девушки бегают за ним. Я прямо боюсь его. Не слишком боек на язык, — скорее вроде того огромного медведя, которого мы только что видели. Брр! — возьмет да и откусит тебе голову. На самом деле он не боксер, а возчик, и состоит в союзе. Служит у Корберли и Моррисона. Но когда клубы устраивают боксерские матчи, он иногда участвует в них. Все перед ним трепещут: у него отвратительный характер — его хлебом не корми, а дай кого-нибудь поколотить. Тебе он не понравится, но он отлично танцует. Такой здоровенный, а танцует очень легко — прямо как будто летает. Тебе непременно надо потанцевать с ним хоть разок. И щедрый, не скарעד. Но характер — боже упаси!

Разговор, скорее монолог, Мери перешел, как всегда, на Берта Уонхопа.

— Вы, как видно, очень дружите? — осторожно заметила Саксон.

— Да я бы за него хоть завтра пошла, — горячо выпалила та; на мгновение лицо ее померкло и стало почти суровым в своей откровенной печали, — но он молчит. Он... — И Мери продолжала с внезапно вспыхнувшей страстью: — Остерегайся его, Саксон, если он вздумает ухаживать за тобой! Берт человек легкомысленный... И все-таки я бы за него вышла хоть завтра. А иначе он меня не получит. — Губы ее приоткрылись, но она ничего не сказала, а только вздохнула. — Чудной этот мир, не правда ли? — неожиданно добавила она. — И какой бестолковый! И звезды — это тоже миры. Хотела бы я знать, где же Бог? Берт Уонхоп уверяет, что никакого Бога нет. Но он ужасный человек и говорит ужасные вещи. Я верю в Бога. А ты? Что ты на этот счет думаешь, Саксон?

Саксон пожала плечами и засмеялась.

— Ведь если мы поступаем дурно, мы будем наказаны, верно? — настаивала Мери. — Так говорят все, кроме Берта. А он говорит, что ему наплевать, как он себя ведет, потому что мертвому все трын-трава. «Уж коли, — говорит, — я мертвый, хотел бы я посмотреть, каким наказанием меня можно разбудить!» Ну, не ужасный ли человек? Но все это так страшно... Мне иногда становится жутко, когда вспомню, что Бог все время видит меня. Как ты думаешь, он слышит, что я сейчас говорю тебе? Ну хоть как он, по-твоему, выглядит?

— Не знаю, — ответила Саксон. — По-моему, Бога нарочно выдумывают, каждый выдумывает по-своему.

— Ой! — ахнула Мери.

— Но, судя по тому, что все говорят о нем, — он все-таки существует, — решительно продолжала Саксон. — Мой брат считает, что он похож на Авраама Линкольна. Сара говорит, что у него баки.

— А я никак не могу себе представить, что у Бога пробор, — призналась Мери, вздрагивая оттого, что

осмелилась высказать вслух столь дерзостную мысль. — Он не может носить пробор, это было бы странно.

— Ты знаешь такого низенького сморщенного мексиканца, который продает игрушки-головоломки? — спросила Саксон. — Так вот Бог, по-моему, чем-то похож на него.

Мери расхохоталась:

— Вот уж ты действительно говоришь странные вещи. Мне никогда ничего подобного в голову не приходило. Чем же он похож?

— Ну, мне кажется, что он, подобно тому коротышке-мексиканцу, каждому задает мудреную головоломку, а люди всю свою жизнь стараются разрешить ее. Но никто с ней не справляется. И я не могу разрешить свою головоломку. Не знаю, с чего и начать. Посмотри, какую головоломку он задал Саре. А сама Сара составляет часть головоломки Тома и только мешает ему. И все они — все, кого я знаю, и ты тоже, — вы все составляете часть моей головоломки.

— Может быть, насчет головоломок и правильно, — согласилась Мери. — Но только Бог не похож на этого старичка-мексиканца. Тут я не согласна. Бог ни на кого не похож. Помнишь, на стене в помещении Армии спасения была надпись: «Бог есть дух»?

— А это тоже одна из его загадок: ведь никто не знает, как выглядит дух.

— И это верно... — Мери вздрогнула от ужасного воспоминания. — Когда я пытаюсь представить себе, что Бог есть дух, я вспоминаю Хэна Миллера. Он как-то завернулся в белую простыню и побежал прямо на нас, девушек. Мы не знали, что это он, и до смерти перепугались. Маленькой Мэгги Мэрфи сделалось дурно, а Беатриса Перальта упала и разбила себе лицо. Когда я думаю о духе, то все, что я могу вообразить, — это белая простыня, бегущая в темноте. Но во всяком случае, Бог не похож на мексиканца, и нет у него пробора.